

ОБРАЗЫ ПРЕДКОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ (ЭПОХА МЕТАЛЛА)

В. Д. Викторова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института истории и археологии УрО РАН

Это вторая статья из цикла «Человек древних эпох»¹.

Образы предков периода архаики – эпох бронзы и раннего железного века – воспроизведены на основании данных археологии. Одним из важнейших источников эпохи железа является металлическая пластика, выполненная в зооморфном, орнитоморфном и антропоморфном обликах – кодах. В литературе она известна как изделия скифского (скифо-сибирского) стиля степных кочевников Евразии раннего железного века и пермского звериного стиля Приуралья.

С использованием трех перечисленных кодов – самых наглядных средств изображения природного и социального мира – читатель уже встречался в предшествующей статье. От эпохи к эпохе менялись природные условия, хозяйственная деятельность, усложнялись социальные структуры. К упомянутым выше кодам добавлялись растительный, природно-ландшафтный, менялись акценты и смысловые характеристики зооморфного кода. Особенно ярко этот способ выражения мифологических текстов воплотился в скифо-сибирском зверином стиле, но наиболее информативным во времени (от эпохи мезолита до этнографической современности) он оказался у населения таежной зоны Урала и Западной Сибири.

Почитание элитарных предков эпохи бронзы

Установить представление уральского населения эпохи бронзы о своих предках наиболее убедительно позволяют результаты археологических исследований погребальных памятников синташтинской культуры Южного Зауралья. Социальная система этой культуры – территориальная община – сложилась на основе мигрантов и местного населения. Для ее функционирования была востребована экономическая, социальная, военная, культовая организация. Управление организацией осуществляла элита².

А. В. Епимахов сравнил возможное число жителей синташтинской культуры на укрепленном поселении Ольгино (Каменный Амбар) с количеством погребенных с этого городища в некрополе Каменный Амбар 5. При подсчете автор обнаружил явное расхождение и пришел к выводу, что в курганах погребали только лиц высокого социального статуса³. Места захоронений рядовых общинников пока не известны.

В исследованиях В. Ф. Генинга, Г. Б. и Д. Г. Здановичей, А. В. Епимахова неод-

нократно отмечались признаки элитарных погребений и проявления иерархии внутри элиты: центральное место погребенного в структуре курганных захоронений, специфика инвентаря, сопровождающего погребенного, в том числе наличие остатков колесниц, бронзовых копий и топоров, каменных наверший булавы, серебряных украшений. О почитании подобных предков потомками свидетельствовали большое число жертвоприношений и трудозатраты на сооружение архитектурных построек над погребениями. Статус элиты был наследуемым. Этот тезис подтверждается, во-первых, тем, что погребения не только взрослых и подростков, но даже младенцев Большого грунтового синташтинского могильника (тоже элитарного) сопровождалось сосудами и бронзовыми ножами, а в число жертвоприношений входили туши коней⁴; во-вторых, есть два случая, когда при погребенных с богатым инвентарем было найдено по две булавы⁵. Можно предположить, что символ власти – жезл с навершием булавы – наследовался вместе с властью. При этом для наследника изготавливался новый жезл.

¹ См.: Викторова В. Д. Образы предков в представлениях древних людей (эпоха камня) // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2011. № 4 (38). С. 117–127.

² См.: Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. С. 66–67.

³ См.: Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5). Челябинск, 2005. Кн. 1. С. 168.

⁴ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Челябинск, 1992. С. 200.

⁵ См.: Там же. С. 234; Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии... Кн. 1. С. 36.

Судя по последовательности захоронений в Большекараганском 25 кургане высокое положение мужчины (главы семьи или военного предводителя) подчеркивалось пространственно. После смерти такого человека площадка, где уже были захоронены его сородичи, окружа-

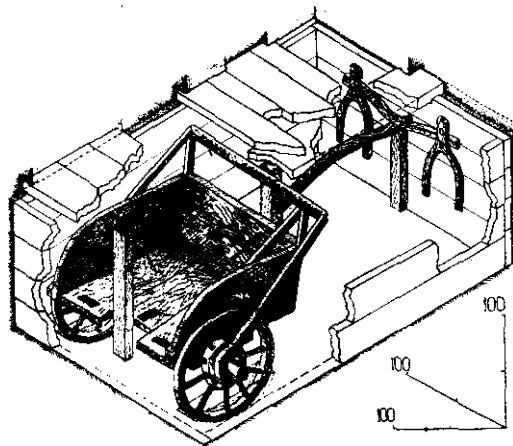

Рис. 1. Синташта. Большой грунтовой могильник СМ. Реконструкция боевой колесницы из погр. 30 (по В. Ф. Генингу, Г. Б. Здановичу, В. В. Генингу)

⁶ См.: Зданович Д. Г., Кириллов А. К. Курганные памятники Южного Зауралья: Археoaстрономические аспекты исследования. Челябинск, 2003. С. 19.

⁷ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Рис. 2.

лась рвом, а умершего помещали в яму, выкопанную в центре круга⁶. Сохранившийся курган был первоначально не просто земляным холмом. М. П. Грязнов еще в 1970-х гг. высказал предположение, что курганные насыпи – это остатки архитектурных сооружений.

К сожалению, реконструкции лица по черепу из синташтинских погребений не проводились. Но, судя по индоевропейскому происхождению этого населения, у него был европеоидный облик.

Чтобы воспроизвести представления этого населения о своих элитарных предках, рассмотрим погребения Большого грунтового могильника (СМ) и Малого кургана (СIII), расположенных на возвышенности к северу от укрепленного поселения Синташта⁷.

На некрополе СМ почти при каждом погребенном помещались сосуд, бронзовый нож и различное количество астрагалов – овечьих или бараньих косточек, использовавшихся, в частности, в играх.

Захоронения женщин и девочек сопровождали украшения, амулеты, бронзовые иглы. На перекрытиях или нишах могил в жертву были принесены головы и ноги крупного и мелкого рогатого скота. В одном случае при погребенной женщине

находилась булава (старшая женщина?). Умершим мужчинам, а также одному мальчику в качестве жертвоприношений положены головы и ноги лошади. Лишь в отдельных захоронениях присутствовало бронзовое оружие: топор (погребение 3), наконечник копья (погребение 18).

Большой Синташтинский курган и храм исключены из анализа, так как до сих пор остаются спорными культурно-хронологическая принадлежность погребенного и его социальный статус.

Среди более чем 40 захоронений по богатству жертвоприношений выделяются 7 погребений с остатками колесниц (рис. 1). На перекрытиях могил помещали 4, реже 6 туш лошадей, а у дышла укладывали еще 2 головы, которые, по мнению исследователей, принадлежали боевым коням.

В погребении 5 вместе с мужчинами захоронены две женщины, колчан со стрелами лежал возле пятого персонажа, уложенного в кузов колесницы. Военное снаряжение встречено также в погребении 12 (колчан со стрелами) и погребении 30 (колчан со стрелами и бронзовый наконечник копья). В нижнем погребении 16 двухъярусного захоронения при покойном вместе с остатками колесницы лежали бронзовый нож, костяная ритуальная лопаточка и давяльные камни для изготовления сомы (ритуального напитка). Верхнее мужское погребение сопровождали бронзовый нож и булава. Вполне вероятно, что колесницы были имуществом знатных семей и имели наряду с военными и другие функции.

Образ мужчины, не только владельца колесницы, но и обладающего властью в укрепленном поселении Синташта, вырисовывается по захоронению в Малом кургане. В результате его исследования археологами и почвоведом была сделана реконструкция погребального обряда и архитектурного сооружения. В яму была помещена деревянная камера размером 3,28 x 1,8 м, высотой 1 м. В ней установлена колесница колесами на север, дышлом на юг. Рядом с дышлом помещены головы двух коней с уздечками и псалиями. В кузове находились кости четырех человек, предварительно очищенные от

мягких тканей (видимо, умерших зимой). При них были два шила, два керамических сопла и четыре сосуда. Пятый человек – колесничий – лежал в южной части камеры, рядом с головами коней. Погребенному принадлежала булава.

Инвентарь рядом с покойными не богат, и первое впечатление – рядовой колесничий увозит в нижний мир останки своих сородичей. Но это впечатление опровергается двумя фактами: во-первых, наличием жезла с булавой – знака власти колесничего; во-вторых, для создания архитектурного сооружения над могилой потребовались усилия группы общинников и присутствие жреца, знающего не только обряд захоронения, но и последовательность возведения постройки над могилой. Судя по реконструкции исследователей⁸, в сочетании архитектурных форм и цветовой гаммы сооружения заключается определенный смысл. Площадка сооружения была окружена рвом светло-желтого цвета (материка) и очищена от растений, то есть имела темный цвет гумуса. Над погребением в центре площадки помещена деревянная клеть прямоугольной формы, облицованная желтой глиной в виде трапеции с прямоугольным основанием. Над платформой возвышался круглый купол из темно-серых, почти черных илестых вальков (рис. 2).

Итак, в плане сооружения сочетались светло-желтый и черный круги, светло-желтый квадрат и круглый темный купол. И форма постройки, и цветовые сочетания имеют глубокие корни в индоевропейской мифологической традиции. Квадрат как символ земли на дне круглой чаши известен у древнего населения Анатолии и Ирана (V–III тыс. до н. э.), его можно видеть на сосуде святилища Савин I При-тобольшья (III тыс. до н. э.)⁹. Е. В. Антонова отмечает, что эта традиция сохранялась в Иране до эпохи железа¹⁰. На санскрите это сочетание (квадрат в круге) означает мандалу, где круг – символ неба, а квадрат – символ земли.

Ригведа, по мнению исследователей, включает не только арийские сюжеты гимнов, но и более ранние мифологические тексты. Весь цветовой код Ригведы разделен на яркие (положительное значение) и темные (отрицательное значение) цвета, и

довольно часто они построены в оппозиции¹¹. Такую оппозицию можно заметить в архитектуре Малого Синташтинского кургана, в ней угадывается космогонический миф. Один из вариантов прочтения мифа – Мандала как колесо жизни и смерти. Такое трудоемкое и сакрализованное

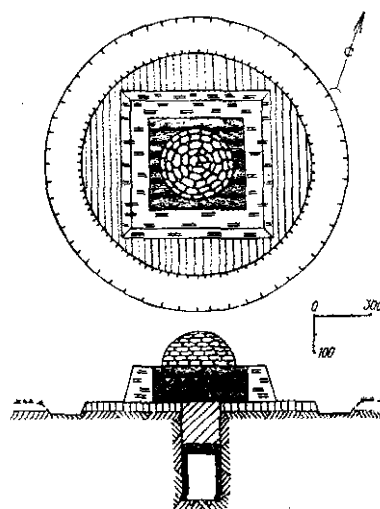

Рис. 2. Синташта. Малый курган (СIII). Реконструкция надмогильного сооружения (по В. Ф. Генингу, Г. Б. Здановичу, В. В. Генингу)

почитание погребенного позволяет предположить, что предок был личностью высокого социального статуса.

При анализе погребального обряда населения синташтинской культуры установлено отсутствие признаков половой стратификации¹². О значительной роли женщины в различных сферах жизни синташтинского общества и почитании предков-женщин свидетельствуют следующие факты. Погребение 39 могильника СМ было расположено на небольшой возвышенности, в стороне от основной массы могил¹³. В камере ямы лежали лицами друг к другу мужчина и женщина. Мужское погребение было с ординарным инвентарем: бронзовые нож и два рыболовных крючка, тесло, перстень; в изголовье, видимо в мешке, находились 158 астрагалов. Женское погребение существенно отличалось не только от мужского, но и от других женских захоронений. Из украшений в нем были только перстни и каменный амулет, все остальные предметы (бронзовые нож и боевой топор, колчан с 12 каменными стрелами, уздечка с псалями) скорее напоминают образ знатного воина. Наличие давящих камней для сомы – свидетельство ритуальных функций женщины, а булава, уложенная

⁸ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. 1992.

⁹ См.: Потемкина Т. М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. Рис. 7, 3.

¹⁰ См.: Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 71.

¹¹ См.: Елизаренкова Т. Я. О цветовом коде ариев // Ригведа. Мандалы IV–VIII. М., 1999. С. 480–482.

¹² См.: Зданович Д. Г. Синташтинское общество... С. 72.

¹³ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. С. 233–234.

рукоятью вдоль туловища, – символ власти. О значительности и почитании погребенных (главным образом погребенной) свидетельствуют жертвоприношения, помещенные между стенками ямы и деревянной погребальной камеры. В этой нише в определенном порядке уложены

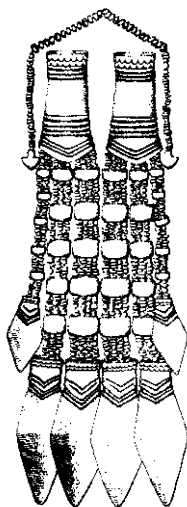

Рис. 3. Большой грунтовой могильник СМ. Нагрудник из погр. 22 (по В. Ф. Генингу, Г. Б. Здановичу, В. В. Генингу)

собака, 10 голов мелкого и 5 голов крупного рогатого скота. В центре ниши помещена голова лошади. Вся поверхность между головами животных заполнена их конечностями.

Кем были в жизни два этих персонажа? Мужчина выглядит мирным жителем, который занимался рыбной ловлей, плотницким или столярным делом. Сложнее представить, какую роль в синташтинской общине играла женщина. Проявила мужество при защите поселения или стада? Входила в Совет старейшин общины? Во всяком случае, это была выдающаяся личность, заслужившая признательность в виде обильного жертвоприношения.

По-видимому, не менее важную, но иную роль играла женщина, погребенная в могиле 22¹⁴. Находки при ней были типично женскими: бронзовое шило, пряслице, на фаланге правой руки – перстень, кожаный нагрудник украшен бисером, серебряными пластинами и подвесками из крупных обойм – бус (рис. 3). Исключением составлял наконечник каменной стрелы со сломанным концом. О возможном занятии женщины при жизни ритуальными действиями говорят следующие находки: уложенный за спиной вверх дном

сосуд и набор ритуальных предметов, которые, по мнению авторов, лежали в какой-то емкости. К ним относятся три кусочка горного хрусталя, в том числе крупный кристалл с затертыми краями, шило, медная пластинка, бронзовый отпечаток литника, берцовая кость и лопатка бара-

Рис. 4. Курган Южного Зауралья. Стела с изображением воина (по С. Г. Боталову)

на. На перекрытии могилы лежали остатки тризны – три разбитых сосуда. В нише между стенками ямы и камеры были помещены головы и ноги лошади и барана. Над насыпью сохранились следы долгого горения огня. Видимо, хорошую и в то же время тревожную память оставила жрица у общинников.

Антропоморфные и зооморфные облики умерших и их душ.

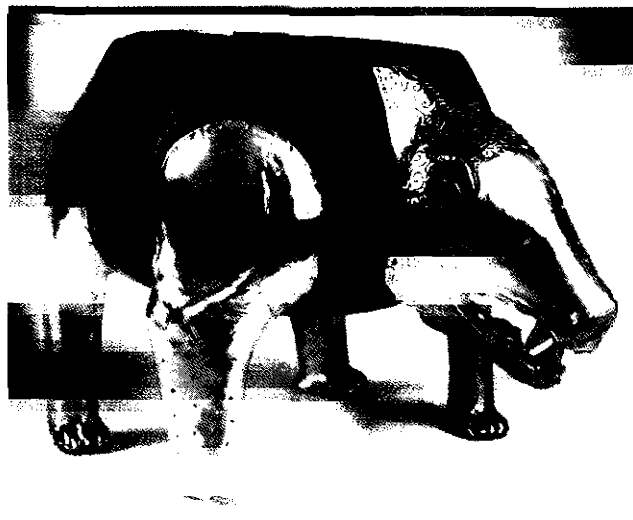
В степях и лесостепи

Эпоха раннего железного века на Урале (VII в. до н. э. – V в. н. э.) – время многочисленных меридиональных и широтных переселений. Военные столкновения начались в лесостепи и кочевом мире степей от Алтая до Причерноморья, в центре этого мира находился Южный Урал. Война в крае стала существенной составной образа жизни. Причины подобной ситуации различны. Внешняя причина – экологический кризис: наступление пустыни на степь, степи – на лесостепь, и далее волна смены ландшафта докатилась до южной кромки леса. К числу внешних причин относится экстенсивный характер кочевого хозяйства, требовавший постоянного расширения пастбищ. К этому же стремилась элитарная верхушка общества,

¹⁴ См.: Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. С. 190–194.

в котором все более четко проявлялась имущественная и социальная дифференциация.

Среди современников наиболее почитаемой становится фигура воина, в их глазах предок – это человек с оружием и в доспехах (рис. 4). Основная масса насе-

хищных птиц, змей. На 188 предметах изображен олень; 26 фигур оленей высотой до 50 см изготовлены из дерева и обиты золотыми и серебряными листами (рис. 6).

Открытие такого погребения позволило предположить, что кочевников-роксо-

Рис. 5. Филипповский I курган. Деревянный сосуд в виде фигуры медведя (по А. Х. Пшеничнюку)

Рис. 6. Филипповский I курган. Деревянная скульптура оленя с золотой оковкой (по А. Х. Пшеничнюку)

ления имела европеоидный облик, но постоянный приток мигрантов с востока приводил к расовому смешению, появлению монголоидных черт¹⁵.

До 1980–1990-х гг. у историков бытовало представление, что социальная организация кочевников Южного Урала находилась на более низком уровне развития, чем у скифов Причерноморья. Мнение это существенно изменилось после раскопок Филипповского I кургана. Он возвышался на 7 м в центре среди 24 других курганов, расположенных на левом берегу реки Урал. По подсчетам исследователя этого кургана А. Х. Пшеничнюка, первоначально над погребением могло возвышаться на 15–20 м архитектурное сооружение¹⁶. Несмотря на ограбление могилы, в двух тайниках и дромосе (входном коридоре в камеру) было найдено большое количество золотых и серебряных предметов: чаши, ритон, оковки закраин и ручки деревянных сосудов, зеркало, инкрустированный меч-акинак, многочисленные бляшки, в том числе от конской сбруи. Предметы выполнены в скифо-сибирском зверином стиле: есть фигуры хищников (волка и кошачьих), медведя (рис. 5), верблюдов, сайгаков, архаров,

лан объединил не просто вождь, а личность, обладающая царской властью.

Основываясь на инвентаре погребенных в курганных могильниках лесостепи Западной Сибири и Зауралья, Л. Н. Корякова выделила группу воинов и рядовых общинников¹⁷. Продолжая этот анализ, Н. А. Береснева выделила в воинских погребениях три страты¹⁸. Лица, вооруженные мечами и имеющие доспехи, определены как элита.

Картину структуры воинской организации дополняет Сапоговский клад металлических фигур из Курганской области. По размерам антропоморфных фигур и характеру вооружения выделяются три группы изображений воинов различного ранга. Все фигуры пятипалые, вероятно, это изображения предков в их телесном варианте.

К элите, самому высокому рангу, по видимому, принадлежат три наиболее крупные, до 20 см высотой, фигуры различных мужских персонажей (каждая крупная фигура отлита дважды), а также три крупных совершенно одинаковых женских изображения. Из мужских персонажей выделяется фигура коренастого широкоплечего мужчины с круглым лицом (рис. 7, 1). Валики-гривны на шею

¹⁵ См.: Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 5 : Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 30. Рис. 2.

¹⁶ См.: Пшеничнюк А. Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2008. С. 10.

¹⁷ См.: Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 155–159.

¹⁸ См.: Береснева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург, 2011. С. 123.

дополнены плетеной золотой гривной. На запястье руки, приложенной к груди, видны четыре валика-браслета. К сапогам приторочены два кинжала. Вероятно, так выглядел вождь племени.

Второй персонаж с двумя валиками-гривнами на шее, похоже, одет в доспе-

ми руками и ногами и выступающими ребрами. С левой стороны фигуры, за поясом, выступает нечто похожее на колчан (рис. 7, 5). Скорее всего, это образ общинника. Вероятно, общинников разного возраста призывали спорадически, во время военных действий.

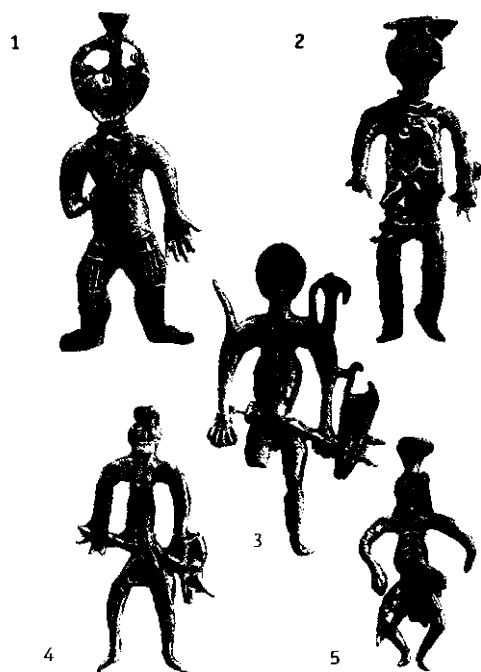

Рис. 7. Сапоговский клад. Мужские персонажи (по В. Я. Толмачеву)

хи. У пояса – длинный меч, к сапогам также приторочены два кинжала (рис. 7, 2). В этой фигуре можно предположить военного предводителя или военного советника вождя. Третья крупная фигура – тонконогая (без сапог? в иной обуви?). У пояса – меч, сбоку – колчан, на плече – схематичная фигура птицы, возможно, хищной (рис. 7, 3). Изображение птицы наводит на мысль, что это жрец, сопровождавший воинов в походах.

По всей вероятности, рангом ниже были фигуры воинов, отлитые в одной форме, высотой до 15 см, и соответствующие им по размерам три женские фигуры. Мужские персонажи – стройные (очевидно, молодые) воины, вооруженные мечом и колчаном со стрелами (рис. 7, 4). На правой ноге слабо проступает изображение кинжала. Судя по снаряжению, это были профессиональные воины, возможно дружинники.

Фигура третьего ранга – одиозная. Похоже, это изображение старика с кривы-

Рис. 8. Могильник Шикаевка, курган 4. Реконструкция ритуального головного убора (по Т. М. Потемкиной)

Если судить о месте женщин в обществе раннего железного века только по Сапоговскому кладу, можно сделать вывод об их более низком положении по сравнению с мужчинами. Однако как в курганах Южного Урала, так и в лесостепи Зауралья найдены свидетельства высокого положения женщин, в том числе женщин-жриц.

Шикаевский 4 курган в Притоболье был невелик по размерам – 1,3 м высотой. При раскопках установлено, что в верхнем ярусе центральной могилы погребения двух мужчин-воинов были разграблены. В беспорядке лежали панцирные пластины, обломки кинжала, уздечного набора и каменной чаши¹⁹.

Захоронение женщины в нижнем ярусе оказалось непо потревоженным. Уже подсыпка ямы охрой (явление довольно редкое для раннего железного века) свидетельствовала о необычном захоронении. Знаковыми оказались и все 163 предмета, из которых 147 экземпляров, изготовленных из золота, были связаны с укра-

¹⁹ См.: Потемкина Т. М. Древние святилища... С. 147.

шением головного убора (рис. 8). По местоположению предметов автор раскопок восстановила ритуальный головной убор, состоящий из нескольких частей и напоминающий калафы скифов²⁰. Налобная повязка из кожи была украшена стилизованными фигурами оленей. От нее спустились вниз золотые подвески в виде бутона трехлепесткового цветка. Войлочная шапочка слегка расширялась кверху и была орнаментирована полусферическими и прямоугольными бляшками с растительными узорами. В центре плоского верха шапочки был укреплен деревянный конус, завершающийся золотой фигурой птицы-грифа (рис. 8). В трехчастной по вертикали картине мира голова человека соотносится с верхним миром. Головной убор, увенчанный образом птицы, усиливал акцент сопричастности жрицы верхнему миру. На шее женщины находилась золотая гривна-оберег. У кисти правой руки лежало бронзовое зеркало в футляре из бересты. Вдоль нижней половины туловища вертикально спускался кожаный шнур с 11 черными, синими и белыми глазчатыми бусами сирийского происхождения. Т. М. Потемкина предположила, что они использовались для каких-то сакрально-магических целей²¹. В области ног находилась курильница, изготовленная из талька. Она могла предназначаться для воскурения благовонных веществ или служила вместилищем священного огня (под перевернутой курильницей лежали угли).

Представление об иерархии предков распространялось и на женское общество. Выше уже шел разговор о разграничении по размерам женских фигур из Сапоговского клада. Видимо, такими их в роли жен-воинов различного ранга представлял мастер-металлург. Статусное, но уже социальное разграничение заметно и в Шикаевском 4 кургане. В периферийной могиле кургана женщину сопровождал довольно скудный инвентарь: глиняная, а не каменная курильница с углями, никакого золота и серебра, только две бронзовые бусины, обломок железного ножа и кусочки охры. По мнению производителя раскопок, это была женщина, зависящая от жрицы (служанка? ученица?).

Итак, от эпохи бронзы к эпохе ранне-

го железного века предки предстают в их человеческом облике. Тогда возникает вопрос: какое отношение могут иметь к ним предметы раннего железного века, выполненные в зверином стиле?

Есть разные точки зрения на дешифровку скифского звериного стиля. Д. С. Раевский выдвинул и обосновал гипотезу о предназначении зооморфного кода для описания мироздания, создания скифской мифологической модели мира²². Эту трехчастную модель мира можно усмотреть и в находках из Филипповского 1 и Шикаевского 4 курганов. Верхний мир олицетворяет хищная птица, средний мир – олень, сайгак, верблюд, архар, нижний – волк и кошачьи хищники. В данном случае речь идет о мировидении как живущих, так и усопших. Думается, это один из вариантов прочтения кода.

Второй вариант предложила Е. Е. Кузьмина: перевоплощение антропоморфных персонажей в зооморфные. Такой вариант, на первый взгляд, просматривается в Авесте: бог войны и победы Вэртагна имел 10 вариантов воплощений²³. Египетские боги могли выступать то в зверином облике, то в облике человека с головой шакала (Анубис), быка (Апис), сокола (Гор). Но это не фигуры предков, а образы богов.

Третий вариант дешифровки зооморфного кода более близок к установлению связи кода с предметами из погребений. В этом случае образы зверей выступают как символы черт характера предка и его социального положения в обществе. Для установления этой связи вполне подходят такие глаголы, которые использовала Л. Н. Ермоленко: уподобляется, отождествляется²⁴. Отсюда следует одно из возможных прочтений смысла бестиария из названных выше курганов. Правитель роксолан по силе, жестокости и свирепости в бою уподоблялся волку, медведю (см. рис. 5), сражающимся верблюдам. По своему положению он – верховный правитель, о чем свидетельствует обилие золотых оленей с рогами, размерами превышающими туловище (см. рис. 6). Эти рога, как и золотая подвеска (диск в виде солнца), – символы верхнего мира и одновременно верховной власти почитаемого предка.

²⁰ См.: Потемкина Т. М. Ритуальный головной убор IV–III вв. до н. э. (по материалам Шикаевского кургана на р. Суерь) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: К 70-летию Т. М. Потемкиной. Курган, 2007. С. 156.

²¹ См.: Потемкина Т. М. Ритуальный головной убор IV–III вв. до н. э. С. 150.

²² См.: Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 122.

²³ См.: Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата. М., 1992. С. 119–120.

²⁴ См.: Ермоленко Л. Н. Отображение эпического мотива «кровожадности» в изобразительных памятниках (на примере антропоморфизированных кошачьих хищников) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007.

В лесном, таежном крае

В XIX в. в Зауралье и Западной Сибири случайные находки в виде скопления металлических предметов, скрытых под землей или камнями, получили название кладов. Самые ранние клады в Западной Сибири содержали главным образом металлические личины, а в Зауралье – преимущественно птицевидные изображения.

Какой смысл мог скрываться за этими фигурами из кладов?

Анализируя материалы западносибирского Холмогорского клада II–IV вв., исследователи обратились для его интерпретации к ретроспективному методу²⁵. Феномен иттерма у манси и северных ханты был подробно описан еще в этнографической литературе XIX в. Его смысл заключался в том, что после погребения усопшего изготавливалась кукла – заместитель умершего, куда помещалась его душа. По истечении времени куклу или несколько подобных кукол закапывали в некрополе или в лесу. А. П. Зыков и Н. В. Федорова проследили временную линию этого феномена вглубь веков вплоть до раннего железного века. Как личины антропоморфных фигур, так и зооморфные образы могли быть иконическими знаками, то есть в них воплощались души конкретных предков. Где и по какому обряду хоронили тела умерших – вопрос открытый.

Важно отметить, что ареал находок птицевидных изображений на Урале совпадает с границами Иткульского металлургического очага (ИМО) VII–III вв. до н. э. Из 10 поступивших в научный оборот кладов, пожалуй, наиболее информативным является клад с Азов-горы. Находки были обнаружены под камнем у крутого обрыва горы. Подростки г. Полевского под впечатлением прочитанных сказов П. П. Бажова искали сокровища девки-Азовки. По словам ныне седого пенсионера, а в ту пору одного из юных поисковиков, подростки после обнаружения клада для проверки фигур «на золото» сломали и выбросили какую-то часть находок, а остальные фигурки рассовали по карманам. Уведомленный о находке клада Бажов уговорил ребят сдать фигурки в Свердловский област-

ной краеведческий музей, где сегодня экспонируется свыше 40 металлических изделий из этого клада.

Основную часть клада составляют птицевидные изображения, в которых можно предполагать воплощение душ умерших металлургов. Фигуры различаются по размерам: крупные (9–10 см), средние (около 7 см) и малые (5 см). Второе различие – видовой состав и степень обработки абриса. Вид основной массы изображений неопределим. Можно только понять, что это образы стилизованных хищных птиц. Фигуры после отливки дополнительно не проработаны. У двух изображений по контуру сняты все излишки металла в виде заусениц и отпечатка литника. В одной из птиц орнитологи узнали коршуна, в другой – сову²⁶. У некоторых изображений на обратной стороне имеется петля для прикрепления к одежде. К ним относятся фигуры коршуна и совы, несколько четырехкрылых персонажей, отлитых в одной форме, по одному изображению среднего и малого размера.

Какой смысл может заключаться в таких различиях? Выше уже говорилось о том, что размеры фигур могут соответствовать рангу носителей душ в иерархической лестнице. Думается, в профессиональной среде положение металлурга зависело от степени его мастерства.

Крупные фигуры²⁷ могли принадлежать духам предков, бывших металлургами – мастерами высокого уровня. Иконография фигур среднего размера, как правило, индивидуальна. Возможно, так представлялась душа предка – рядового металлурга. В малых фигурах можно предполагать изображение душ молодых мастеров или подмастерьев.

Сложнее дать интерпретацию фигур с петлями на обратной стороне. По предположению А. А. Спицына, эти фигуры мог носить на одежде шаман²⁸. В этнографических работах нет данных, что шаман занимался металлургией. Зато в этнографических источниках, посвященных обычаям населения разных континентов, фигура металлурга всегда выглядит таинственной, а зачастую и опасной. Вполне вероятно, что главный металлург клана сам проводил обряды до и после плавки

²⁵ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV ввек. Екатеринбург, 2001. С. 60–62.

²⁶ См.: Викторова В. Д. Клады на вершинах гор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. Рис. 29, 1, 7. ²⁷ См.: Там же. Рис. 29, 1, 8.

²⁸ См.: Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1.

или варки металла, и при этом к его одежде прикреплялись металлические культовые фигурки.

Есть еще вопрос: почему в кладе присутствуют две крупные фигуры и два изображения птиц различного вида, тогда как в другихкладах эти образы единичны, например в кладе с грота Сухореченского или с горы Караульной²⁹? Состав клада с горы Азов, на мой взгляд, можно объяснить историей возникновения Полевского гнезда ИМО. При образовании в V в. до н. э. в его состав вошли металлурги различных кланов. У одних родовым тотемом считался коршун, у других – сова. Крупная фигура³⁰, вероятно, след прихода металлургов, возглавляемых главным мастером из Верх-Исетского гнезда. Крупная фигура отлита в той же матрице, что и изображение со 2 Исетского клада, а также находка с берега озера Таватуй.

Вторая группа находок с Азов-горы – антропоморфные изображения, выполненные в двух вариантах. К первому относятся небрежно изготовленные бесполовые фигуры с человеческим контуром. Подобных фигур в составе ИМО немного, и не ясно, чьи души были в них заключены. Антропоморфные фигуры второго варианта тщательно обработаны и выполнены в «столбообразной» манере, которая своими корнями (в деревянном исполнении) уходит в более древние эпохи уральской истории.

В кладе с горы Азов душа воина представлена в виде столбообразной фигуры, заключенной в полуовальную рамку³¹. У нее удлинённое овальное лицо, вытянутый нос, есть намек на наличие усов, на голове шлем. Ниже личины от «столбика» в стороны приподняты схематичные руки. По центральной линии туловища прочерчены либо ребра, либо застежки одежды, линией условно отмечены короткие ноги.

Следующее изделие из этого же клада – прямоугольная пластина, на которой рельефно изображены три столбообразные фигуры, связанные по центру поперечным валиком³². О том, что это человеческие фигуры, напоминают лишь личины, завершающие «столбики».

К этой серии фигур такого же неболь-

шого размера (7–8 см), соединенных по центру, а также в виде пятипалой или трехпалой руки, принадлежат тальковые матрицы. Они отличаются от фигуры с горы Азов зубчиками, завершающими голову³³. У пальцеобразных фигур слабо выделены трехпалые конечности, они опоясаны тремя валиками. Отметим, что их размеры совпадают с высотой птицевидных изображений – воплощений душ рядовых металлургов. Но вряд ли в этих антропоморфных фигурах заключены души рядовых общинников. Подобных фигур найдено в несколько раз меньше, чем птицевидных изображений, а фигура воина – вообще единственная в 10кладах. В этих изображениях можно предположить воплощение душ глав семейств, иногда возглавляемых несколькими родственниками (3–5 братьями).

У следующих по размерам (17–18 см) антропоморфных персонажей головы завершаются изображением лучей – знаками связи с верхним солнечным миром. Две фигуры из Палкинского клада изготовлены в различных формах, быть может, это изображение душ лиц различных поколений, но состоящих в родстве. У одной из фигур, возможно принадлежащей предку более раннего времени, выделены трехпалые конечности, а по нижней половине пластины изображен ползущий зверь. Вторая фигура стилизована: на длинной прямоугольной пластине обозначена только личина с лучами над ней³⁴. Подобные одиночные персонажи известны по отливкам еще в двух гнездах, а в третьем присутствует в виде матриц на тальковой форме³⁵. По размерам эти персонажи сопоставимы с изображениями душ главных мастеров. Думается, что в обозначенных выше антропоморфных фигурах могут быть воплощения душ предводителей гнезд ИМО.

Можно предположить, что самая высокая столбообразная фигура (35 см) изображала не душу конкретного лица, а была символом духа – хозяина трех миров, в которых проходила жизнь и деятельность металлургов (рис. 9). По-видимому, личина, на которой из лучей выползает змея, обозначала Верхний мир. Для древних металлургов солнце – знак, с которым ассоциировался огонь, а вы-

29 См.: Викторова В. Д. Клады на вершинах гор. Фото 42, 5; рис. 107, 5.

30 См.: Там же. Рис. 29, 8.

31 См.: Там же. Рис. 30, 4.

32 См.: Там же. Рис. 30, 7.

33 См.: Там же. Рис. 31, 1, 3.

34 См.: Там же. Рис. 27, 1, 2.

35 См.: Там же. Рис. 31, 7.

сокая температура огня – важнейшее условие удачной выплавки металла. Средний мир соотносится с трехпальными руками (знак духа) и поясом из пяти валиков (по представлениям древних угров, это мог быть знак пяти душ мужчины). В среднем мире фигура мужчины-металлур-

переселилась в лесное Зауралье и Западную Сибирь. В новые районы металлургии вместе с мастерством принесли и свои духовные ценности. В это же время по северной дороге, проходившей в верховьях Северной Сосьвы, Конды, Тавды (Лозьвы), на верховья Вишеры и Печоры, уста-

Рис. 9. Адуйский клад. Антропоморфная фигура. Фонды СОКМ

Рис. 10. Святилище Вершина 1. Гранитное изображение хищной птицы

га наиболее значима. Нижний мир представлен хищным зверем, живущим в норе. Металлурги в нижнем мире, под землей, добывали руду.

Возможно, потому, что это был общий символ, трехчастная фигура, изготовленная в одной матрице, была обнаружена на территории трех гнезд – Верх-Исетского, Аятского, Багарякского. Но такие фигуры могли быть и в пределах остальных четырех гнезд.

Есть предположение, что гранитное изображение хищной птицы, установленное на святилище Вершина 1 острова Каменные палатки (рис. 10), было символом прапредка всех металлургов очага.

Итак, на основании фигур, вмещающих души умерших, у населения ИМО можно отметить как профессиональную, так и социальную дифференциацию.

В конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. кочевники Южного Урала двинулись на запад и завоевали Скифию. К этому времени скифо-сибирский звериный стиль на предметах степного населения Евразии исчезает.

Иная ситуация сложилась на большой территории лесной полосы от Урала до Западной Сибири. После распада ИМО большая часть металлургических кланов

навливаются прочные связи между населением двух частей света. Отметим два факта, свидетельствующих об этом.

В кладах Западной Сибири, наряду с изображением личин, появляются птицевидные фигуры с личинами на груди – результат взаимодействия местных традиций и духовных приоритетов пришлых металлургов³⁶. Это нововведение коснулось не только предков-металлургов, но и предков-воинов местного происхождения, в чем можно убедиться по находкам из Холмогорского клада³⁷. Изображения духов в виде хищных птиц с личинами на груди распространились от Западной Сибири до бассейна Камы и Печоры (рис. 11).

Следующий вариант иконических изображений духов предков также имеет широкое распространение в таежной зоне. Его истоки уходят в память о тотемических предках более раннего времени. Обратимся вновь к Холмогорскому кладу Западной Сибири. Многочисленные удлиненной формы личины с этого памятника завершаются либо головами сов³⁸, либо противолежащими головами щук³⁹. Важно отметить еще одну находку из клада – навершие жезла в виде головы щуки с раскрытой пастью⁴⁰.

Весьма схожая ситуация, только с дру-

³⁶ См.: Викторова В. Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Урал. ист. вестн. 2002. № 8. С. 74–92.

³⁷ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад... Рис. 16.

³⁸ См.: Там же. Рис. 1, 11, 12.

³⁹ См.: Там же. Рис. 3–5, 10.

⁴⁰ См.: Там же. Рис. 40.

гими персонажами, просматривается на памятниках таежного Урала. В коллекциях с Лозьвинского клада и сборов из Чердынского уезда Приуралья содержатся антропоморфные фигуры с удлиненными личинами. Головы фигур завершают изображения филинов. Вместе с ними нахо-

ных родовых групп (фратрий) с различными тотемами.

Третий вариант металлической пластики представлен единичными находками, но также на всей таежной полосе Урала и Западной Сибири. Это фигура медведя en face, стоящего на задних лапах, с

Рис. 11. Соплесский клад. Изображение хищной птицы с личиной на груди (по А. А. Спицину)

Рис. 12. Коллекция Строганова, Соплесский клад. Фигуры медведей с личинами на груди (по Е. И. Оятевой)

дили фигуры бобров и выдр с разинутой пастью⁴¹. При исследовании святилища Туманского I в верховьях Лозьвы найдены антропоморфные фигуры тоже с удлиненными лицами. У одной из них вместо рук крылья, а над головой – изображения двух птиц⁴². Весьма важной находкой являются навершия жезлов в виде голов бобра с разинутой пастью⁴³.

Состав и иконография фигур из Западной Сибири и Зауралья свидетельствуют о тесных контактах населения двух регионов на протяжении всего раннего железного века. Очевидно, это были захоронения духов предков определен-

личиною на груди. В классификации западносибирских образов Н. В. Федоровой фигура обозначена как медведь-миф⁴⁴. Там она имеет несколько вариантов. Более простой образ известен из Сопляско-го клада бассейна Печоры. Из Приуралья подобная фигура, но с тремя личинами на груди, сохранилась в собрании Строгановых (рис. 12). Полагаю, что это не иконические фигуры конкретных предков, а символ прапредка, генезис которого уходит в далекое прошлое, возможно, даже в эпоху мезолита. Этот символ прослеживается вплоть до этнографической современности.

⁴¹ См.: Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. Табл. XV–XVIII.

⁴² См.: Викторова В. Д. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. Рис. 15, //.

⁴³ См.: Там же. Рис. 15, 1, 2.

⁴⁴ См.: Федорова Н. В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000. С. 38–39.